

Арсений Замостьянов

ЦАРЬ-КНИГА ИВАНА ГРОЗНОГО

Время правления Иоанна Васильевича Грозного, особенно вторая половина его царствования, — почти белое пятно на карте русской истории. И не только потому, что это время вызывает споры историков и публицистов, зачастую стоящих на противоположных позициях и дающих тем или иным событиям противоречивые оценки. Как известно, от 60–70-х годов XVI века сохранилось немного документальных источников: часть их сгорела в московских пожарах 1571, 1612 и 1812 годов, а некоторые просто пропали из архивов Первопрестольной.

И всё же, несмотря на все трагические перипетии нашей истории, Божьей волей и человеческим старанием у нас сохранилась жемчужина русского летописания — Лицевой летописный свод (ЛС) Ивана Грозного. Есть у него и неофициальное название — Царь-книга — по аналогии с Царь-пушкой и Царь-колоколом.

И название это вполне оправдано. Свод состоит из 10 томов, содержащих около 10 000 листов, украшенных примерно 16 000 миниатюр (изображений «в лицах» — отсюда и «Лицевой»). Над созданием

ЛС на протяжении трёх десятилетий трудились десятки писцов и художников.

Многочисленные миниатюры ЛС, занимающие примерно 2/3 его объёма, не просто украшают этот исторический памятник, они служат для нас своеобразным путеводителем по быту, культуре и природе Руси и окружающих её стран. Более того, рукопись XVI в. содержит иллюстрации, образцами для которых стали изображения из древнейших источников. Так до нас дошли рисунки зданий, одежды, орудий труда, предметов быта, соответствующих ранним векам русской истории. Под кистью мастеров, трудившихся над украшением Царь-книги, зарождались жанры отечественной живописи Нового времени: исторический, батальный, бытовой, портрет и пейзаж.

Лицевой летописный свод — уникальная книга, исторический и художественный памятник мирового значения, увенчавший эпоху рукописной книги и открывающий эру книгопечатания в России. Ничего подобного ЛС нет ни у одного другого народа в мире. Что обусловило его появление именно в XVI веке?

Вопреки нелепой терминологии, в соответствии с которой «древняя» «средневековая» Русь продолжалась, якобы, вплоть до XVIII в. (см. учебное пособие для вузов «История и культурология», которое без тени

смущения заявляет: «В истории средневековой Руси прослеживаются три периода: I — древнейшая история Русского государства со второй половины IX в. до 30-х годов XIII в.; II — вторая половина XIII–XV в.; III — начало XVI–XVII в.»), Россия, как и весь остальной европейский мир, вступила в XVI в. в эпоху Нового времени. Ремесленное производство стало мелкотоварным, появилась хозяйственная специализация различных областей, а следовательно, и рынок. Например, известный деятель середины XVI в. иерей Сильвестр имел в Великом Новгороде мастерскую, в которой трудились наёмные работники — иконописцы и переписчики, а продукцию он сбывал не только в России, но и иноземцам, причём широко использовал в торговых делах кредит (см. 64 гл. «Домостроя» по Коншинскому списку).

Переход России в Новое время характеризуется изменениями в общественной, экономической и культурной жизни. Становление самодержавия, политическая, религиозная, юридическая унификация, создание профессиональной армии, единого Судебника, системы школьного образования, почтового сообщения, местного выборного самоуправления, открытие типографий преобразили Московское государство.

В культуру — архитектуру, живопись, книжное дело — также пришли новые веяния. Впервые в русской

Рукописные книги в Древней Руси

истории вопросы художественной культуры обсуждаются на церковных соборах и на царских советах. Впервые — быть может, не только в нашей стране, но и в мире — литературные произведения, живопись, архитектура создаются по заранее разработанному комплексному плану, в котором они взаимосвязаны между собой и призваны обосновать особую роль в мире Российского царства — преемника Византии и русского царя — библейского, удерживающего мировой божественный порядок.

Человеком, который стоял у истоков этой бурно забившей культурной жизни, был митрополит Московский и всея Руси Макарий, бессменный учитель и воспитатель осиротев-

шего в раннем детстве Ивана IV. Как результат его трудов на ниве русской культуры нам остались замечательные образцы русской иконописи, прекрасные рукописные и печатные книги, изготовленные переписчиками митрополичьих и царских мастерских и первыми печатниками сначала Анонимной московской типографии, а затем типографии Ивана Фёдорова.

Однако и книга, и икона, и устремлённый ввысь купол храма служили, по замыслу митрополита Макария, идее прославления русского самодержавия и Русского государства как вершины развития православной государственности: «Москва — Третий Рим, а четвёртому не бывать!».

По инициативе митрополита Макария 16 января 1547 г. состоялось венчание на царство Великого князя Московского Ивана IV Васильевича. Именно святитель Макарий, опираясь на документы и юридические акты, в том числе и Византийской империи, разработал ритуал этого события.

Как написал 450 лет спустя другой весьма почитаемый православным народом митрополит Русской Церкви, «чин венчания Иоанна IV на царство не сильно отличался от того, как венчались его предшественники. И всё же воцарение Грозного стало переломным моментом... Дело в том, что ... Иоанн IV Васильевич стал первым русским государем, при венчании которого на царство над ним было совершено церковное Таинство Миропомазания» (Иоанн Снычев, митрополит. «Самодержавие Духа»).

Друг, воспитатель и учитель Ивана Грозного митрополит Макарий, подчёркивая высоту царского служения, во время венчания обратился к царю с такими словами: «Вас [царей] бо Господь Бог в Себе место избра на земли, и на Свой престол вознёс...». В 1548 г. братья прославленного афонского монастыря Хиландар в своём послании титулует Ивана IV «единым правым государем, белым царём восточных и северных стран... святым, великим благочестивым царством, солнцем христианским... утверж-

дением семи соборных столпов». В грамоте Константинопольского патриарха (1557) сообщалось о соборном уложении «молить Бога о царе и великом князе Иоанне Васильевиче якоже о прежних благочестивых царях» [византийских императорах]. Сербские хроники называли его царём всех православных христиан.

Признание православным миром царского (а де-факто — императорского) титула, принятого Иваном Грозным, означало и то, что отныне он становился верховным покровителем всех православных христиан, вождём универсальной (вселенской) христианской империи, далеко выходящей за границы собственно Российского царства, и то, что он принимает на себя бремя противостояния отпавшему от истины западно-христианскому миру.

Всё это требовало и политического оформления, и разработки новой идеологии, и внедрения этой идеологии в общественное сознание. Митрополитом Макарием в рамках данных требований была предпринята беспрецедентная пропагандистская кампания: с середины XVI века вся русская литература, изобразительное искусство, архитектура подчёркивают значимость и закономерность появления на Руси царя и перехода к Москве миссии мирового православного царства, Третьего Рима. Идеологию православного московского самодержавия должны были,

Святитель Макарий, Митрополит Московский

по замыслу митрополита Макария, отражать, прежде всего, письменные источники эпохи — летописи, книги царского родословия, круг годового духовного чтения.

Каждый, кто интересуется отечественной культурой, как минимум слышал о созданном под руководством предстоятеля Русской Церкви 12-томном полном собрании православной духовной литературы, известной к тому времени в России — Великих Четиях Миннеях. Кстати, именно митрополит Макарий первым ввёл в официальную речь современное название нашей страны: после воцарения Ивана IV, по инициативе предстоятеля Русской Церкви, Великое княжество Московское стало называться Российским царством (А.Л. Хорош-

кевич. «Символы русской государственности»).

При участии митрополита Макария был составлен в начале 1560-х гг. ещё один известнейший памятник русской культуры — «Книга Степенная царского родословия», охватывающая период от княжения Владимира Святославича до Ивана IV.

Поэтому вполне вероятно, что замысел создания Лицевого летописного свода тоже принадлежит митрополиту Макарию и его окружению (БСЭ). Как и Степенная книга, ЛС должен был подчеркнуть богоизбранность Московского государства, доказать преемственность мировой власти от древнейших царей Вавилона и Персии, Македонской державы, римских кеса-

Иван Грозный. Портрет XVII века

рей и византийских басилевсов к Российскому царству и русским царям-Рюриковичам, «сродникам Августа-кесаря».

Первоначально было известно 9 томов ЛС. Первые 3 тома (хронографы) описывали «священную» (библейскую и древнееврейскую) историю, падение Трои, историю царств Древнего Востока, государств Александра Македонского и его наследников-диadoхов, Древнего Рима и Византии. С 4-го по 8-й том ЛС содержит материалы по русской истории, начиная от 1114-го по 1533-й — год смерти Великого князя Московского Василия III, отца Ивана IV. 9-й и (найденный позднее) 10-й тома рассказывают о времени правления самого заказчика Лицевого свода — Грозно-

го царя. Предполагается, что в ЛС не сохранились начало и завершение русской истории, а именно — Повесть временных лет и значительная часть царствования Иоанна Васильевича.

В XVIII в. один известный любитель истории — князь М.М. Щербатов, обнаружив в Патриаршей библиотеке разрозненные листы ЛС, не включённые в переплетённые ещё в XVII в. предыдущие 9 томов (Т.Н. Протасьева), преподнёс их, «яко достойные любопытства», другой известной любительнице русских древностей — императрице Екатерине Великой, которая, просмотрев находку, дала разрешение её издать. В 1769 г. князь переплёл и опубликовал их под названием Царственной книги как 10 том ЛС.

Одной из особенностей 9-го (Синодального) и 10-го (Царственно-го) томов ЛС были многочисленные приписки на полях уже готовых рукописей. Первый исследователь Царственной книги А.Е. Пресняков писал, что эти приписки «как единственный источник для целого ряда живых и любопытных известий о времени Ивана Грозного... и придают Царственной книге столь высокую ценность». Это действительно так, в приписках неизвестный редактор сообщает подробности боярско-княжеского заговора марта 1553 г., следственного дела об измене князя Семёна Лобанова-Ростовского и другие уникальные исторические сведения.

Но кто же осмелился «похерить», не считаясь ни с затратами, ни с тем, что книгу придётся заново переписывать (и главное — вновь рисовать более тысячи миниатюр!), заказанную государем историю его царствования? В середине XX века вокруг этого вопроса развернулась дискуссия, в ходе которой д.и.н. Д.Н. Альшиц высказал предположение, что таинственным редактором, исписавшим поля драгоценной рукописи, был сам царь Иван Васильевич Грозный. Это утверждение основывалось на многочисленных данных, в том числе на совпадении почерка автора приписок с почерком царя, что было установлено после графологического сравнения приписок и собственноруч-

но написанного Иваном Грозным предсмертного письма в Кирилло-Белозерский монастырь.

Ещё одна загадка Лицевого свода — почему, при том, что работа над Царь-книгой длилась почти 30 лет, она не была завершена «по неизвестным причинам» (Б.М. Клосс), в частности — не переписана набело Царственная книга, а её миниатюры так и остались всего лишь чернильным контуром? Действительно, в начале 1570-х гг. работа над ЛС была свёрнута, а специально для него закупленная во Франции бумага передана в типографию Александровой слободы и использована в 1576 г. при издании Псалтири.

Некоторые исследователи считали, что прекращение работы над ЛС связано с быстро меняющейся внутривластной обстановкой, когда правки царя-редактора не успевали за чередой событий, и Иван Васильевич, поняв, что оставить потомкам непротиворечивую версию истории своего правления невозможно, охладел к великому проекту.

Но, может быть, были и другие причины? В 1571 г. войска крымского хана Девлет-Гирея совершили набег на Москву, в результате которого русская столица выгорела дотла. Вероятно, сгорели в пожаре мастерские, где работали переписчики и художники, могли сгореть и подготовленные к работе над ЛС

материалы и архивные документы: установлено, что при работе с рукописью Царственной книги Иван Васильевич использовал десятки документов, в том числе посольские «сказки» и родословные, летописи и следственные дела, хранившиеся в московских приказах. Да и мастера, работавшие в митрополичьих и царских мастерских, скорее всего, оказались в татарском плену — хан, сообщая о победоносном походе союзнику, польскому королю Сигизмунду, написал, что захватил в Москве 60 000 полона. Могли мастера оказаться и среди тех, чьи тела перекрыли течение Москвы-реки, — так много было в городе погибших.

После разгрома столицы было не до летописания: надо было восстанавливать Москву, снаряжать войско (шла Ливонская война) и готовиться к отражению нового татарского набега (в следующем, 1572 г., объединённое турецко-татарское войско было наголову разбито русскими в 50 верстах южнее Москвы, в знаменитой битве при Молодах).

Так что нет ничего удивительного, что с начала 70-х гг. XVI в. на Руси меньше уделяли внимания летописанию и живописи, и больше — экономике и обороне. Был отложен до лучших времён и Лицевой свод.

Конечно, в этом сыграли определённую роль и политические моменты. Война на западе шла всё менее

успешно, погиб старший сын царевич Иван (легенда о том, что его убил отец, не соответствует фактам, проведённое в XX в. исследование останков наследника престола свидетельствует, что его отравили), а мирные договоры, подписанные с Польшей и Швецией, никак не могли стать венцом царствования Ивана IV. Фиксировать все эти события в ЛС на память потомкам царь, видимо, не захотел. Листы Царственной книги, разрозненные и нераскрашенные, остались пылиться в архивах до XVIII в.

Кстати, и разномыслие по вопросу датировки начала работы над ЛС (кто-то указывает на 40-е, а кто-то на 60-е годы XVI в., см., например, материалы Международной научной конференции «Лицевой летописный свод царя Ивана IV Грозного...», Мюнхен, 7–9 декабря 2011 г.) могут объясняться Московским пожаром 1547 г. Тогда сгорели царские палаты, выгорели храмы, на восстановление столицы потребовалось много сил и средств. В результате создание ЛС пришлось отложить до начала 1560-х, когда дополнительный импульс началу работ дало признание восточными патриархами царского титула Ивана Грозного.

Лицевой летописный свод — уникальный культурный артефакт, настолько ценный, что его единственный оригинал хранится отдельно, не только в разных книгохранили-

щах, но и в разных городах. 1-й, 9-й и 10-й тома находятся в Государственном историческом музее (Москва), 2-й, 6-й и 7-й — в библиотеке Академии наук (Санкт-Петербург), 3-й, 4-й, 5-й, 8-й — в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург).

До сих пор ЛС так и не переведён полностью на современный русский язык. До недавнего времени проблематично было, даже для специалистов, ознакомление с этим памятником русской истории. К счастью, в 2008 г. издательство «Актеон» выпустило полное факсимильное издание ЛС. Нельзя, конечно, сказать, что таким образом Свод стал более доступен исследователям старины: тираж составил всего 50 экземпляров, а стоимость всех 10 томов доходит до нескольких миллионов рублей (что, впрочем, понятно, учитывая затраты и те уникальные технологии и ручную работу, которые применялись при изготовлении факсимиле). Но всё же некоторые из российских учреждений получили издание в дар — например, Пушкинский дом. Да и многочисленные ныне в России владельцы скоростного интернета могут теперь ознакомиться с полновесными электронными копиями страниц ЛС на сайте «Общества любителей древней письменности».

Однако, даже при доступности электронной копии, не все могут свободно читать рукопись XVI века в оригинале. В этом отношении ситу-

ация с ЛС повторяет ситуацию, сложившуюся с переводом и изданием русских летописей в целом. Проблема заключается в том, что, хотя работа в данном направлении ведётся уже почти 200 лет, она, мягко говоря, далека от завершения. Многие из летописей так и не изданы, а значительная часть изданных не переведена на современный русский язык. Поэтому, при том росте общественного самосознания и повышении интереса к истории, которые отмечены в последние годы, издание действительно полного собрания сочинений русских летописей стало задачей № 1. И, прежде всего, полный перевод уникального памятника нашей культуры — Лицевого свода на русский, а затем и на другие основные языки международного общения. Но академическая наука словно не замечает проблему, более того, в планах РАН до 2025 г. вместо завершения перевода русских летописей включена работа по «завершению много-томной истории Европы». Видимо, не стоит ждать от российских академиков интереса к истории своего Отечества, и все надежды в деле перевода ЛС надо возложить на союз меценатов, госструктур и энтузиастов от науки, как это было с изданием факсимиле Лицевого свода в середине 2000-х. Тот, кто сможет организовать и осуществить эту титаническую работу, заслужит уважение современников и вечную благодарность потомков.